

В. Б. КОНАСОВ, А. В. ТЕРЕЩУК

К ВОПРОСУ О БЕЗВОЗВРАТНЫХ
ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ СССР В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Делаемый образец
помогает нам в изучении
микрофлоры.

B. John

ИСТОРИЯ КПСС

В. Б. Конасов, А. В. Терещук

К ВОПРОСУ О БЕЗВОЗВРАТНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В современных условиях историки получили возможность существенно расширить источниковую базу исследований в области отечественной истории и, как следствие, сделать достаточно реалистичные,звешенные оценки применительно к целому ряду проблем, изученных к настоящему времени недостаточно. К ним можно с уверенностью отнести проблему человеческих потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, имеющую не только научно-исследовательское значение, но и ярко выраженный нравственный подтекст.

Цифра 20 миллионов человеческих жизней, обнародованная в середине 60-х годов, с нашей точки зрения не отражает истинных масштабов потерь советского народа в период 1941—1945 гг. Кроме того, не представляется сколько-нибудь ясным и вопрос о том, из чего складывалась эта цифра, хотя попытки показать ее составляющие предпринимались неоднократно.

Причины такого положения кроются, во-первых, в явной недостаточности статистической информации, на которую могли бы опереться исследователи; во-вторых, в множественности критериев учета людских потерь в период войны. К примеру, историки, демографы, военные статистики используют такие категории потерь, как: боевые и не боевые, прямые и косвенные, временные и безвозвратные, санитарные, наконец потери в демографическом и военно-оперативном смысле и т. д. Отсутствие более или менее универсальных, общепринятых критериев учета людских потерь с неизбежностью приводит к появлению самых различных методов исследования проблемы, что само по себе может быть и неплохо, однако дает весьма различающиеся результаты, а зачастую — и вообще диаметрально противоположные.

Дополнительным фактором, обусловливающим затруднения, которые испытывают исследователи рассматриваемой проблемы, является отсутствие достоверной информации о масштабах миграционных процессов, развивавшихся в послевоенные годы и влиявших на количественные характеристики населения СССР после окончания Великой Отечественной войны. Достаточно, к примеру, упомянуть о том, что в 1944—1948 гг. происходила депортация польского населения из СССР, круто повернувшая судьбы более чем полутора миллионов бывших советских граждан. И наоборот — много людей депортировалось на Родину, в Советский Союз, после того как была одержана победа над германским фашизмом и его союзниками. Речь идет в данном случае не столько о возвращении домой миллионов советских людей,

угнанных фашистами в период оккупации, сколько о приезде на свою этническую Родину людей различных национальностей, волею судеб разлученных с нею задолго до второй мировой войны. К примеру, в послевоенный период в СССР переехало около 250 тыс. армян, расселившихся в разных странах после геноцида, учиненного турецкой реакцией в конце XIX — начале XX в.¹ В этой связи нельзя не упомянуть вообще о проблеме послевоенной реэмиграции, которая пока остается практически не исследованной ни в одном из своих принципиальных аспектов. Указанные, а также некоторые другие обстоятельства должны непременно учитываться исследователями в ходе сравнительного анализа данных о динамике численности населения СССР в связи с потерями, понесенными в годы войны.

Методологически важным представляется также то обстоятельство, что даже введенные в научный оборот данные о потерях следует использовать с чрезвычайной осторожностью. Это требование распространяется практически на все категории людских потерь — убитых, раненых, пропавших без вести и др. При этом названные категории не могут рассматриваться как статичные. В особенности это касается раненых и пропавших без вести. Необходимо дифференцировать количество раненых, излечившихся и возвратившихся в строй, умерших от ран, демобилизованных по инвалидности и т. д. Особого отношения требует к себе категория пропавших без вести. Это могли быть бойцы и командиры, погибшие в боях (но факт их гибели не был документально зафиксирован), попавшие во вражеский плен (в дальнейшем либо погибшие в плена, либо уцелевшие в аду фашистских лагерей), дезертировавшие и т. д. Множественная альтернативность судеб миллионов людей, относящихся к названным категориям, неизбежно предполагает теоретическую возможность как минимум двойного их учета либо, наоборот, выводит за рамки существующих систем учета людских потерь. Указанное обстоятельство возводит дополнительные барьеры на пути к исторической истине.

К настоящему времени появилось несколько публикаций, в которых нашли отражение те или иные аспекты проблемы потерь в Великой Отечественной войне.² Б. В. Соколов, оперируя официальными данными, исчисляет безвозвратные потери Советского Союза следующим образом: 8,5 млн убитых на поле боя, 3,3 млн военнослужащих, погибших в фашистских лагерях, 2,6 млн скончавшихся от ран.³ Р. А. Степанов, полемизируя с Б. В. Соколовым, считает, что его оппонент погрешил против истины, непомерно завысив число умерших от ран, однако своих соображений по поводу конкретной цифры не привел.

Полагаем, что исследование рассматриваемой проблемы на сегодняшний день, к сожалению, исчерпывается сравнительным анализом цифровых данных, так или иначе уже введенных в научный оборот. В то же время вопрос о достоверности этих данных, об их происхождении, методах учета потерь, применявшимся как в годы войны, так и в послевоенный период, по большому счету остается пока вне поля зрения историков. Без ответа на этот вопрос даже символическое приближение к искомому результату представляется весьма проблематичным.

В настоящей статье, не претендующей на исчерпывающее освещение проблемы, на основе ранее не использованных источников предпринята попытка новой интерпретации вопроса об истинных масштабах безвозвратных потерь военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Однако прежде необходимо уточнить один существенный момент, имеющий терминологическую окраску. В категорию безвозвратных потерь чаще всего включают убитых, умерших от разных причин, пропавших без вести и оказавшихся в пле-

иу. С известными оговорками такой подход представляется нам оптимальным. Вместе с тем существует тенденция к тому, чтобы включать в категорию безвозвратных потерь всех военнослужащих, так или иначе выбывших из строя, включая уволенных из Вооруженных Сил после ранений и болезней.⁴ Однако такой критерий далеко не безупречен.

Целесообразно остановиться на некоторых принципиально значимых аспектах проблемы безвозвратных потерь в годы войны, проанализировать малоизвестные факты, позволяющие взглянуть на эту проблему с реалистических позиций.

Прежде всего вопрос о судьбе раненых бойцов и командиров Красной Армии. Уже в начале войны, 10 июля 1941 г., Санитарное управление Красной Армии передало по телеграфу распоряжение медицинской службе войсковых соединений и частей сосредоточить внимание на обеспечении быстрого выноса и вывоза раненых с поля боя, своевременного оказания им необходимой помощи и незамедлительной эвакуации в армейские госпитали.⁵ В конце июля складывавшаяся обстановка настоятельно потребовала издания Генеральным Штабом специальной директивы «О мерах по улучшению выноса раненых с поля боя».⁶

Пропаганду спасения во что бы то ни стало раненых на поле боя воинов вынесла на свои страницы газета «Правда». Сегодня, конечно, можно скептически относиться к пафосу той пропаганды, к использовавшимся журналистским приемам, изобразительным средствам, литературным штампам. Не составит труда указать и на вопиющие противоречия между чрезмерным оптимизмом газетных зарисовок и обыденной жестокостью реальных жизненных ситуаций, известных нам по документам военного времени, по воспоминаниям очевидцев и участников событий. Однако не подлежит сомнению, что глубинное содержание той пропагандистской кампании, ее в высшей степени гуманистическая направленность были оправданы. В передовой статье «Медицина на службе фронта» газета писала: «Ураганный артиллерийский обстрел, налеты воздушных пиратов, угроза очутиться во вражеском окружении, ничто не может служить препятствием, когда речь идет о спасении раненого воина».⁷

23 августа 1941 г. по телеграфу был передан приказ НКО № 281 «О порядке представления к правительенной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Им определялись меры поощрения за вынос с поля боя раненых. В зависимости от количества спасенных бойцов и командиров Красной Армии отличившиеся награждались медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденами Красной Звезды, Красного Знамени, орденом Ленина.⁸

Эти и многие другие принимавшиеся меры имели под собой очень серьезные основания. Как это ни горько сознавать, но в годы войны часть раненых оставалась на передовой и погибала ввиду отсутствия своевременной медицинской помощи. Это было вызвано недокомплектом санитаров-носильщиков, который объяснялся как весьма высоким уровнем боевых потерь среди них, так и использованием их не по прямому назначению. Так, в донесении начальника санитарного отдела 55-й армии военврача I ранга Гофмана указывалось: «Вынос раненых с ротных участков представляет большие трудности. 17.11.41 г. в 10.00 раненый комиссар 147 СП 43 СД был вынесен с поля боя лишь к вечеру. Все попытки вынести его днем не увенчались успехом. При этих попытках был убит фельдшер, санинструктор и санитар, несколько санитаров было ранено...».⁹ Далее в донесении отмечалось, что только в период с 1 по 15 ноября 1941 г. убыль санинструкторов по различным причинам составила 115 человек, а убыль санитаров — 87 чело-

век. Несмотря на то, что по распоряжению Военного Совета Ленинградского фронта были принятые меры по прекращению «изъятия санитаров в рядовые и посылки их для захоронения трупов»; недокомплект санитаров в дивизиях продолжал оставаться значительным: в 43-й стрелковой дивизии — 180 человек, в 85-й — 140, в 125-й — 129, в 268-й — 140, в 90-й — 110, в 70-й — 70 человек.¹⁰ Совершенно очевидно, что столь значительная нехватка кадров санитаров-носильщиков в результате как боевых потерь, так и порочной практики использования их не по прямому назначению не могла не оказаться на свое временном спасении раненых бойцов и командиров.

Трудности с выносом раненых явственно ощущались практически на всех участках советско-германского фронта. Одним из следствий этих трудностей явилось, по нашему мнению, то, что фактические потери среди военнослужащих, как правило, оказывались выше первоначально зафиксированных по итогам тех или иных боевых действий. Таким образом, имеются основания предположить, что суммарные цифры, характеризующие общее количество погибших на фронте, могут быть уточнены с учетом бойцов и командиров, по тем или иным причинам не получивших доврачебной и врачебной помощи и не попавших в военно-медицинские учреждения.

Особого подхода требует вопрос о военнослужащих, умерших в ленинградских госпиталях в период блокады. Многие воины оказывались на госпитальных койках не будучи ранеными, контуженными или в традиционном смысле слова больными. Зачастую единственной причиной их госпитализации являлось истощение в результате голода. Тысячи их умерли в годы блокады в ленинградских госпиталях и похоронены в братских могилах на ленинградских кладбищах. С учетом умерших дело обстояло из рук вон плохо. По крайней мере на сегодняшний день трудно с уверенностью сказать, к какой категории жертв блокады они отнесены и учтены ли вообще при определении обобщенных цифровых показателей.

Еще одним исключительно важным моментом, обращение к которому необходимо при рассмотрении вопроса о безвозвратных потерях, является положение с погребением убитых и умерших от ран на передовой воинов. В тяжелейших условиях первых месяцев войны это происходило во многих случаях неудовлетворительно.

Нередко труп погибшего красноармейца невозможно было опознать из-за отсутствия при нем какого-либо документа, удостоверяющего личность. Такие ситуации стали в начале войны возможными потому, что в 1940 г. были отменены красноармейские книжки для рядового и младшего начальствующего состава действующей армии. Осенью 1941 г. военное руководство было вынуждено признать это решение ошибочным, и 7 октября был издан приказ НКО № 330, в соответствии с которым красноармейские книжки были вновь введены.¹¹ Однако процесс их оформления и выдачи по разным причинам (в особенности потому, что требовалось повсеместно произвести фотографирование личного состава) затянулся на долгие месяцы.

Беспокойство по поводу необеспеченности красноармейскими книжками многих бойцов, плохую организацию учета потерь среди личного состава, фактов безответственного отношения к захоронению погибших отразила директива начальника ГлавПУРККА № 307, в которой, в частности, говорилось: «Главное ПУ РККА располагает фактами, когда многие командиры, комиссары действующих частей не заботятся о том, чтобы организовать сбор и погребение трупов погибших красноармейцев, командиров и политработников. Нередко трупы погибших в боях с врагом за нашу Родину бойцов не убираются с поля боя по несколько дней, и никто не заботится, чтобы с воинскими

почестями похоронить своих боевых товарищей даже тогда, когда имеется полная возможность. На участке стрелковой дивизии 33-й армии в течение 5 суток после боя не были похоронены 14 трупов бойцов и командиров... Погребение убитых в бою часто производится не в братских могилах, а в окопах, щелях и блиндажах. Индивидуальные и братские могилы не регистрируются, не отмечаются на картах и должным образом не оформляются». ¹² Директивой предлагалось: производить сбор трупов сразу же после боя силами специальных команд из тыловых частей; принять меры к тому, чтобы каждый красноармеец имел красноармейскую книжку, а командиры и политработники — удостоверение личности установленного образца; на лиц, подлежащих захоронению, обязательно должны были составляться именные списки на основании документов, обнаруженных при убитых. Однако на вопрос, каким образом учитывать погибших, при которых не было обнаружено документов, директива ответа не давала.

Актом, призванным поправить положение с учетом погибших на поле боя воинов, можно считать введение в действующей армии в 1942 г. специальных медальонов с двумя вкладышами, в которых указывались демографические данные владельца и сведения о его ближайшем родственнике с указанием адреса последнего. Тогда же, в 1942 г., для командного и политического состава Красной Армии стали вводиться индивидуальные жетоны с личными номерами, которые должны были помогать в установлении личностей убитых в тех случаях, когда при них по тем или иным причинам не оказывалось документов. Правда, медальонами и жетонами были обеспечены далеко не все военнослужащие. Кроме того, нельзя, по всей видимости, не принимать во внимание и чисто психологический фактор — некоторые бойцы по соображениям суеверного свойства предпочитали носить свои медальоны пустыми или лишь с одним вкладышем. Разъяснительная же работа, которую вели полигорганы и комиссары частей, не всегда приносила нужный эффект.

Вопрос о персональном учете безвозвратных людских потерь оставался чрезвычайно острым и актуальным на протяжении всех последующих лет войны. В этой связи несомненный интерес для исследователей представляют два документа: приказ НКО № 214 от 14 июля 1942 г. и приказ начальника тыла Красной Армии № 25 от 12 августа 1943 г., в соответствии с которым в адрес специально организованного Отдела по персональному учету потерь сержантского и рядового состава и пенсионному обеспечению их семей должны были высыпаться сведения не только об убитых, но и скончавшихся в лечебных учреждениях (копию с такого рода сведениями части и соединения обязаны были представить начальнику тыла своей армии). ¹³ Однако и в госпиталях персональный учет умерших воинов далеко не всегда был организован надлежащим образом, в частности в некоторых именные списки умерших не составлялись и т. д.

Немаловажное значение в деле упорядочения учета персональных потерь в госпиталях имело своевременное оформление медицинской документации на каждого поступавшего в лечебное учреждение. Инструкция по захоронению воинов, умерших в госпиталях, предусматривала обязательное их погребение по истечении 48 ч нахождения в морге, причем, что существенно, как опознанных, так и неопознанных. ¹⁴ Сегодня трудно ответить однозначно на вопрос о том, во всех ли случаях регистрировались красноармейцы, поступившие в госпиталь без документов и умершие, допустим, уже через несколько часов после поступления. Однако есть веские основания полагать, что бойцы, не поставленные на персональный учет и скончавшиеся после недолгого пребывания в госпитале, неизбежно переходили в категорию пропав-

ших без вести. В архиве Военно-Медицинского музея Министерства обороны СССР, хранящем в своих фондах свыше 20 млн историй болезней, более 32 млн карточек учета, подавляющее большинство которых составляют документы периода Великой Отечественной войны, не содержит сведений обо всех бойцах, находившихся на излечении, нет и списков умерших по каждому госпиталю. Часть документов погибла вместе с самими медицинскими учреждениями в огне войны, часть оказалась уничтоженной военными медиками в неблагоприятно менявшейся боевой обстановке, часть оказалась в руках врага.¹⁵

Восполнить пробел в установлении сколько-нибудь точного количества умерших в госпиталях в известной мере могли бы помочь данные регистрации похороненных на воинских кладбищах. К сожалению, в результате халатного отношения к воинским захоронениям со стороны командования отдельных военно-медицинских учреждений зачастую оборванной оказывалась и эта последняя ниточка. Так, к примеру, в директиве командующего Архангельским военным округом генерал-лейтенанта Т. И. Шевалдина отмечалось, что многие воинские захоронения на кладбищах эвакогоспиталей Череповца на учет взяты не полностью, многие надписи, сделанные чернильным карандашом, смыты.¹⁶ Подобные факты были далеко не единичными.

Справедливости ради необходимо отметить, что в некоторых случаях нарушения учета умерших и погибших, установленного порядка погребения, когда предусматривалось отдать воинские почести, носили объективный характер. Так, только за блокадную зиму 1941—1942 гг. в моргах и прозекторских военных госпиталей Ленинграда скопилось около 7 тыс. незахороненных трупов. Похоронные команды не спрашивались: не хватало транспорта, плохо поддавалась мерзлая земля, а силы у солдат из запасных частей были уже не те. В довершение всего имели место случаи, когда измученные голодом жители Ленинграда, будучи не в состоянии похоронить умерших родственников, свозили их тела к моргам госпиталей. Только в марте 1942 г. после привлечения команды взрывников и выделения дополнительного транспорта вывоз трупов и оформление захоронений принял систематический характер.¹⁷

К другим объективным причинам несоблюдения установленного порядка захоронения следует отнести сложности в установлении личности зверски замученных и убитых советских военнопленных. Многочисленные факты свидетельствуют, что тела некоторых бойцов, обнаруженные на освобожденной от врага территории, оказывались обезображенными до неузнаваемости. Установить же личности погибших при отсутствии документов, как правило, не представлялось возможным. В районах, освобожденных от фашистских оккупантов, создавались специальные комиссии, призванные заниматься организацией погребения погибших и санитарной очистки территории. Задачи эти рано или поздно решать удавалось, однако составить полные списки всех захороненных было практически невозможно.

Отметим, что политорганы Красной Армии неоднократно предпринимали попытки навести порядок в учете безвозвратных потерь, контролировали, как производились захоронения военнослужащих. Ознакомление с материалами партийных собраний медико-санитарных частей и учреждений позволяет утверждать, что в большинстве первичных парт-организаций вопрос о ходе реализации директив и приказов наркома обороны по поводу персональных безвозвратных потерь неоднократно фигурировал в повестке дня. Читать память павших призывали армейские концертные бригады, приезжавшие в части и соединения работники искусства. Не обходили вниманием эту проблему государственные и партийные деятели. К примеру, М. И. Калинин на встрече с агитаторами-фронтовиками 28 апреля 1943 г. говорил: «Вы у себя в частях

должны добиваться, чтобы хоронили как полагается... Агитируйте и следите за тем, чтобы красноармейским похоронам придавался по возможности торжественный характер. Это будет оказывать влияние на воспитание людей, будет учить их любви к защитникам Родины».¹⁸ Но, видимо, сложившаяся к 30-м годам практика формально-казенного отношения к человеку, «винтику» грандиозного государственного механизма, давала свои горькие плоды. Ее отголоски и в нынешнем состоянии наших кладбищ, братских могил, в том, что до сих пор в топях болот на волховских рубежах лежат не получившие последних почестей бойцы 2-й ударной армии. Подобные факты не являются единичными. На страницах «Ленинградской правды» под рубрикой «Когда совесть молчит» появилась очередная публикация на эту тему, из которой следует, что до сих пор не преданы земле останки многих защитников легендарного Невского «пятачка».¹⁹ Всего же, по сведениям, которыми располагает на сегодняшний день Советский комитет ветеранов войны, последнего пристанища не имеют около 250 тыс. советских воинов.²⁰ При этом есть все основания предположить, что цифра эта сильно занижена.

Прежде чем сделать некоторые выводы, целесообразно обратиться к еще одному в высшей степени примечательному документу военной поры. 12 апреля 1942 г. заместитель Наркома обороны Е. А. Щаденко подписал приказ № 0270 «О персональном учете безвозвратных потерь на фронте». В нем говорилось: «Большое количество писем в ЦК ВКП(б) и в Наркомат обороны от граждан, спрашивающих о судьбе своих близких, родственников на фронтах, свидетельствует, что учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно. Многие войсковые части не посыпают родственникам погибших установленных извещений, а штабы соединений не высыпают своевременно в центр именных списков погибших. Это обстоятельство вызывает со стороны населения справедливые нарекания на неполучение исчерпывающих ответов на запросы... Получилось большое *несоответствие между данными численного и персонального учета потерь* (курсив наш. — В. К., А. Т.). На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых».²¹

Таким образом, вполне резонно предположить, что И. В. Сталин, приводя на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, сведения о наших потерях за первые 4 месяца войны (350 тыс. убитых),²² брал за основу цифры не фактических, а лишь персонально учтенных на тот день безвозвратных потерь. Цифра же, приведенная в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера (700 тыс. убитых советских военнослужащих),²³ возможно, не столь уж далека от истины.

Резюмируя, остановимся на трех принципиальных моментах. Во-первых, нам представляется, что на сегодняшний день невозможно точно определить масштабы безвозвратных потерь военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Вполне вероятно, что даже официальные данные, которые представят нам в ближайшие 2—3 года Министерство обороны СССР, отразят картину не столько фактических, сколько персонально учтенных потерь среди личного состава Красной Армии. В сложившейся ситуации крайне необходима реализация решения секретариата ЦК КПСС от 17 января 1989 г. «О Всесоюзной книге Памяти», в которую планируется внести имена всех погибших в боях за Родину.²⁴ Выявление сведений о погибших идет по отдельным краям, областям и республикам страны и должно завершиться изданием книг памяти на местах. В этой связи несомненную ценность представляет опыт вологжан, которые в 1988 г. с помощью группы «Поиск» студен-

тов педагогического института издали «Книгу-мемориал воинов, умерших в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны».

Во-вторых, работа по определению масштабов безвозвратных потерь должна вестись не только в Центральном архиве Министерства обороны СССР, где в настоящее время трудятся представители этого ведомства и создатели Книги памяти из различных регионов страны. Нельзя игнорировать тот факт, что в управление по учету потерь в годы Великой Отечественной войны не поступали данные о погибших и пропавших без вести партизанах и подпольщиках. Все сведения о них сосредоточивались в военных отделах партийных органов, в Центральном штабе партизанского движения. Именно здесь родственники партизан и подпольщиков могли получить сведения об их судьбах. Поэтому необходимо исследование материалов, сосредоточенных в соответствующих фондах партийных архивов.

Наконец, в-третьих, в нашем обществе назрела остройшая необходимость безотлагательно решить проблему поиска и предания земле останков советских воинов, отдавших жизнь за Родину, проблему содержания воинских захоронений. Для реализации этой общественной потребности, необходимо употребить, наверное, самые различные средства: начиная с использования опыта ФРГ, где уходом за могилами жертв второй мировой войны занята целая армия добровольных помощников, объединенных в «Народный союз по уходу за немецкими военными могилами», и кончая созданием атмосферы абсолютной общественной непримиримости в отношении тех, зачастую ужасающих условий, в которых сегодня находятся многие захоронения жертв фашизма, останки советских воинов. Нравственный и профессиональный долг историков состоит в том, чтобы своими изысканиями приблизить то время, когда справедливость, наконец, будет торжествовать.

Summary

The article is devoted to some principal aspects of the problem of casualties among the Red Army military men in the period of the Great Patriotic War of 1941—1945. The authors focus their attention upon the controversial issue of working out the optimal criteria of calculating the non-returnable losses in war.

1 Почекумы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов / Под ред. А. А. Файнгара. М., 1987. С. 10.

2 Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 116—126; Степанов Р. А. Нельзя играть цифрами // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 38—42, и др.

3 Соколов Б. В. Указ. соч. С. 117.

4 Урланиц Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 15.

5 Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л., 1985. С. 62.

6 Некоторые вопросы партийно-политической работы в подразделениях, частях и учреждениях медицинской службы Советской Армии и Военно-Морского Флота. Л., 1979. С. 14.

7 Правда. 1941. 9 авг.

8 Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945. Сб. док. и мат. М., 1977. С. 38—39.

9 Архив Военно-медицинского музея Министерства Обороны СССР (АВММ МО СССР). Ф. 21. Оп. 5780. Д. 4. Л. 95.

10 Там же. Л. 96.

11 Там же. Л. 143.

12 Там же. Л. 141—143.

13 Там же. Ф. 49. Оп. 13835. Д. 21. Л. 50.

¹⁴ Сборник инструктивных материалов по работе эвакогоспиталей. Вып. 4. Казань, 1942. С. 38.

¹⁵ Стеногр. отчет «круглого стола» архивов по вопросам работы с военными документами Государственного архивного фонда СССР. 24—28 сентября 1987 г. М., 1988. С. 91—92.

¹⁶ АВММ МО СССР. Ф. 308. Оп. 12808. Д. 54. Л. 70.

¹⁷ Условия жизни блокированного города были столь исключительными, что опыт организации военной медицины в Ленинграде заслуживает того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования.

¹⁸ Спутник агитатора. 1943. № 10. С. 9.

¹⁹ Ленинградская правда. 1989. 27 авг.

²⁰ Советская культура. 1989. 28 февр.

²¹ АВММ МО СССР. Ф. 21. Оп. 23. Д. 37. Л. 50.

²² Правда. 1941. 7 нояб.

²³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. М., 1971. С. 41.

²⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 37—38.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 1989 г.

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

А. Е. Хренов, В. В. Карпов

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Современный этап развития советского общества требует от обществоведов поворота от догматизма к диалектике, от схоластических построений к практике общественной жизни. Одной из проблем, требующих переосмысления в новых условиях, является развитие социально-классовой системы советского общества. Думается, что развернутое доказательство актуальности данной проблемы не имеет смысла. Достаточно указать на тот факт, что традиционная схема анализа социально-классовой системы 2+1 (два класса плюс социальный слой) не отражает многообразия общественной жизни при социализме. Не спасает положение и добавление еще одной «единички»—внутриклассовых групп. Фактически при этом указанная схема страдает явным методологическим пороком: она умозрительно констатирует должное, а не отражает существующую реальность.

Современный анализ социально-классовых образований должен опираться на системный подход, т. е. рассматривать содержание явлений с точки зрения их системной детерминации.

Важнейшей детерминантой, обуславливающей содержание и структуру социально-классовой системы, выступает собственность, точнее отношения собственности. Однако в современной литературе, посвященной анализу социально-классовой системы, дальше формального признания этого положения дело не идет. В данной статье мы попытаемся рассмотреть диалектику отношений собственности и социально-классовой системы.

Развитие социально-классовой системы тесно связано с процессами обобществления и обусловлено ими. Исторический опыт показывает, что формальное обобществление может осуществляться в двух формах: форме огосударствления собственности и в форме равного распределения этой собственности (ее вещественных элементов). Таким образом, под формальным обобществлением понимается огосударствление или всеобщий раздел вещественных элементов производства в рамках старого качества интегрированности производства. Реальное же обобществление — это интегрированность сущностных и содержательных сторон общественного производства, его сфер, звеньев, процессов, своеобразная мера целостности воспроизводства и составляющих его частей.¹ Применительно к новому обществу реальное обобществление состоит в качественно более высоком уровне интегрированности сущностных и содержательных сторон общественного производства и его составляющих.

Формальное обобществление — это предпосылка реального обобществления для стран, переходящих к качественно более высокому

© А. Е. Хренов, В. В. Карпов, 1989.